

Сталин как редактор Лысенко

К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ

К. О. РОССИЯНОВ

Среди историков советской науки распространено мнение о том, что идеологическим обоснованием августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ явился марксистский тезис о классовом характере науки. При этом победу лысенковцев на этой сессии объясняют тем, что им якобы удалось убедить партийное руководство в буржуазной классовой сути генетики. Однако это представление скорее является одним из многочисленных мифов о советской науке.

В архиве ВАСХНИЛ нам удалось обнаружить первоначальный текст программного выступления Т.Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ¹. Он был составлен Лысенко и его помощниками по прямому указанию свыше к 23 июля 1948 г. и был послан на просмотр И.В. Сталину. Проект доклада как будто всецело подтверждает приведенную выше интерпретацию августовской сессии ВАСХНИЛ: текст пестрит терминами "буржуазная генетика", "буржуазная наука", "антимарксистская биология" и т.п. Один из разделов доклада (§ 2) получил примечательное название: "Основы буржуазной биологии ложны".

По мнению Лысенко, истинная, мичуринская генетика не может развиваться при капитализме, "но там есть другая — своя, буржуазная генетика..." Согласно Лысенко, буржуазная наука, обслуживающая интересы правящего класса, "неизбежно включает в себя много ложных знаний, не соответствующих объективной действительности... Это говорит об основном положении, которого мы никогда не должны забывать: любая наука — классовая". По утверждению Лысенко, буржуазная генетика и диалектико-материалистическая мичуринская биология "столкнулись в непримиримой борьбе", противоречия между ними являются, в конечном счете, следствием антагонистических отношений враждебных классов.

Однако в ходе правки Сталиным доклада первоначальная терминология Лысенко была кардинальным образом изменена. Оппозиция: "буржуазная наука — диалектико-материалистическая наука" была заменена противопоставлением: "реакционная (идеалистическая) и прогрессивная (материалистическая, советская) наука"². Раздел "Основы буржуазной биологии ложны" был вообще вычеркнут в силу неприемлемости для Сталина положения о существовании двух классовых наук.

Очевидно, редакционная правка Сталиным доклада Лысенко не была вызвана простой прихотью; сам ее характер означал разрыв с прежним пониманием партийности науки. При этом естествознание не стало менее зависимым от идеологии, однако отказ от классового характера науки и усиление государственных и националистических тенденций вызвали совершенно новые акценты в отношении к ней власти.

Как известно, во все периоды развития советского общества государственная идеология формировала некий нормативный образ "передовой науки", пользующейся поддержкой и власти и народа. Вместе с тем содержание, вкладывавшееся в это понятие, не раз претерпевало резкие изменения. Поправки Сталина знаменовали очередной его пересмотр. Поэтому для адекватного понимания замечаний Сталина необходимо рассмотреть (в самых общих чертах) основные этапы эволюции образа "передовой науки". При этом мы будем основываться преимущественно на материале истории биологии.

Победа Лысенко на августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ явилась результатом

длительной борьбы за монополию в науке, которую он вел с начала 30-х годов. Поэтому обстоятельства, приведшие к августовской сессии ВАСХНИЛ, нельзя интерпретировать правильно, игнорируя те изменения, которые происходили в отношении власти к науке. В то же время, анализируя идеологический контекст развития "мичуринской биологии", мы не претендовали на решение более общей задачи, связанной с исчерпывающим рассмотрением тех причин, которые привели к торжеству лысенковщины в СССР.

В годы "великого перелома" за термином "классовая наука", который столь охотно употреблялся Лысенко в проекте доклада на сессии ВАСХНИЛ, скрывалось вполне реальное содержание. В связи с этим мы не можем хотя бы вкратце не остановиться на основных чертах того образа "новой науки"³, который сформировался на рубеже 20—30-х годов.

Как известно, в те годы "классовая борьба в науке" не ограничивалась разоблачением вредительства, как утверждали тогдашние идеологи, она являлась непосредственным отражением классовой борьбы в обществе. Будущий идеолог лысенковщины И.И. Презент только выразил мнение партии, когда заявил в 1931 г.: "...Наука в действительности является одной из форм борьбы классов за свои интересы. Буржуазия благодаря своей классово-эксплуататорской природе не может расшифровать все виды своего классового оружия и вынуждена маскировать его защитным цветом бесклассовости".

Было бы ошибкой думать, что в эпоху "великого перелома" догмат классового характера науки эксплуатировался только прожектерами и лжеучеными. Новые идеологизированные термины использовали и настоящие ученые, искренне стремившиеся быть полезными новому строю. Так, оргкомитет Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований, во главе которого стояли такие видные биологи, как Н.И. Вавилов и А.С. Серебровский, призвал в 1932 г. к коренной реконструкции науки и "внедрению принципа классовости и партийности науки". Заметим, что граница, пролегла в те годы между "старой" и "новой" наукой, зачастую не разделяла ученых и лжеученых.

Важно, что тезис о классовой науке был несовместим с национальной обособленностью и предполагал единство прогрессивной мировой науки.

В противовес старому типу ученого, не зависящему от общества, выдвигался "ученый-новатор", тесно связанный с массовым производством. Показателен в этом смысле призыв, брошенный Коммунистической академией: "Пусть тип старого кабинетного запыленного седого ученого будет чуелом и пугалом..."⁴.

Образ "новой" науки, противопоставляемой "старой", "буржуазной" науке, был тесно связан с ожиданием близкого технологического чуда. Применительно к сельскому хозяйству это не раз приводило к призывам "революционизации природы" и "борьбе с природой". Так, нарком земледелия Я.А. Яковлев, выступая в сентябре 1931 г., призвал к новаторству, которое, по его мнению, неминуемо приведет к "открытиям, революционирующим жизнь животных и растений". Примечательно в этой связи само название доклада такого видного биолога, как М.М. Завадовский, на заседании коллегии Наркомзема (1931 г.): "Догнать и перегнать природу!".

Лозунги "Революции в природе" и "Борьбы с природой" существовали в общественном сознании тех лет в самых разных вариантах. М. Горький, например, понимал борьбу с природой как борьбу со случайностью и стихийностью и распространял свою ненависть на крестьянство как на воплощенную стихийность⁵: "Если бы крестьянин исчез с его хлебом, — горожанин научился бы добывать хлеб в лабораториях". Н.А. Заболоцкий, следуя идеям В. Хлебникова, трактовал революцию в природе как освобождение закабаленных человеком животных и растений.

В целом, борьба с природой рассматривалась в качестве непосредственного продолжения классовой борьбы. Считалось, что когда классовая борьба приведет к победе пролетариата, то место побежденной буржуазии займет природа. Как писал один из ведущих советских педагогов А.Б. Залкинд: "Мироздание, среда всего мира, — вот, кто будет тем жестоким новым "классовым врагом", на которого ринется все коммунистическое человечество". Сходную надежду выражал и А.М. Горький: "Борьба человека с природой — борьба, которая должна заменить борьбу человека с человеком".

С одной стороны, напряженное ожидание чуда включало в себя элементы явной фантастики. Так, Я.А. Яковлев, говоря о необходимости "революционной фан-

тастики", вспоминал, что об этом он слышал еще в 1922 г. от Ленина при разработке плана ГОЭЛРО. По словам Яковлева, в стране "развелось слишком много скептиков и практиков в худом смысле этого слова...". Такой "практике" и нужно было, по его мнению, противопоставить "революционную фантастику".

С другой стороны, многих серьезных ученых увлекало представление о том, что социализм (в силу постулируемой плановости и рациональности) обеспечит совершенно новый тип связи науки с жизнью. Подобный сплав социалистического и "естественнонаучного" утопизма характерен для многих работ тех лет и далеко не всегда может рассматриваться лишь как результат приспособления к новым условиям и требованиям жизни.

Так, надежды на чрезвычайно благоприятные перспективы соединения планового сельского хозяйства с новейшими достижениями науки были в начале 30-х годов характерны для Н.И. Вавилова. Согласно Вавилову, благодаря коллективизации "продукция наших полей и садов по ряду культур должна быть в близком будущем удешевлена. Такой масштаб показался бы несколько лет тому назад утопическим, ныне (после коллективизации. — *К.Р.*) он стал действительностью"⁶.

Революционные преобразования должны были изменить не только окружающую среду, но и саму человеческую природу, которую предлагалось перестроить методами новой, социалистической евгеники. Важно, что подобные взгляды были присущи не только некоторым идеологам, но и многим серьезным ученым. Известно о выдвигавшемся А.С. Серебровским евгеническим проекте быстрого улучшения человеческого рода в условиях социалистического общества и новой морали⁷. Всемирно известный ученый, врач С.Н. Давиденков полагал, что задачи евгеники "возможно разрешить именно в условиях строительства социалистического государства", ибо при социализме "больше нет имущественного отбора". При этом в отличие от капиталистического общества евгеническая политика при социализме должна определяться не случайными обстоятельствами, связанными с экономической конкуренцией, а научными плановыми мероприятиями, проводимыми "Высшим Евгеническим Советом Республики"⁸.

Однако утопическим планам революционного изменения природы и человека очень скоро приходит конец. С начала 30-х годов постепенно набирает силу процесс "восстановления порядка" (термин Ш. Фитцпатрик)⁹, затронувший, в частности, и науку. По мере поправки режима к середине 30-х годов изменяются и те черты, которые были столь характерны для советской науки в предшествовавший период. Несостоятельными оказываются надежды на уникальные возможности, открываемые социализмом перед наукой, благодаря которым жизнь впервые может быть устроена на строго научных основаниях. Тем самым исчезает почва, питавшая своеобразный утопизм рубежа 20—30-х годов. Безвозвратно уходит в прошлое стремление к революционной переделке средствами науки природы и человека. Пересмотренными оказываются и прежние представления о миссии науки.

В науке спадает волна леворадикального энтузиазма, наблюдается стабилизация традиционных форм организации науки, возрастает роль фундаментальной науки¹⁰. При этом свертываются структуры, созданные на предыдущем этапе для "революционизации науки". Терпит крах и стремление соединить марксизм с биологией: вместе с Коммунистической академией прекращает свое существование ее Биологический институт (1936), общество биологов-материалистов.

Стремление использовать науку для революционного преобразования всех сторон жизни отстает перед нарастающими консервативными тенденциями. Свою роль в изменении отношения к науке сыграло и известное сталинское положение об отставании теории от практики. Оно было высказано еще в 1929 г. и адресовано экономической науке, но позднее было применено к другим отраслям знания.

Воздействие сталинского тезиса наглядно проявилось и в судьбе Н.И. Вавилова, одного из наиболее активных сторонников идеи о новой миссии науки при социализме. Если в 1931 г. Вавилов обосновывал необходимость создания ВАСХНИЛ как единого центра по координации сельскохозяйственной науки тем, что "жизнь опередила науку", то в 1935 г. он сам стал жертвой этого тезиса. За отставание от колхозно-совхозной практики и недостаточное обобщение опыта передовых хозяйств он был подвергнут критике и лишен поста президента созданной им ВАСХНИЛ.

При всей масштабности изменений, происшедших к середине 30-х годов, официальная пропаганда продолжала поддерживать тезис о классовом характере

науки. Однако само его понимание, испытав влияние новых, государственных тенденций, стало существенно иным. Буржуазной науке теперь противопоставлялась наука советская. И если в изучении истории реабилитируются патриотизм и "чувство родины", а искусство предписывается развивать классическое наследие, то во многих естественных науках отныне акцентируется роль традиций. Так, в советской биологии с каждым годом появляются все новые и новые авторитеты (И.В. Мичурин, Ч. Дарвин, К.А. Тимирязев, В.Р. Вильямс), приверженность которым становится обязательной для ученых.

В самых разных областях советской культуры пересматривается понимание "новаторства". Возможно, наиболее характерна в этом смысле кампания против формализма в музыке. В статье "Сумбур вместо музыки", опубликованной в "Правде" в январе 1936 г. и, по некоторым данным, принадлежавшей перу А.А. Жданова, вопрос о новаторстве приобрел политическое измерение, — ложное новаторство оценивалось в ней как "левацкое уродство". Критика неоправданных новшеств затронула и науку. Так, сам Сталин заявил в 1936 г. о вреде увлечения "экзотикой" в сельскохозяйственной науке, поскольку это отвлекает ее от обслуживания производства.

Усиление консервативных, государственных тенденций продолжалось вплоть до смерти Сталина. Как будет видно из дальнейшего, эти тенденции не раз оказывали решающее влияние на судьбу лысенковщины.

На наш взгляд, в воззрениях самого Лысенко причудливо соединились элементы исторически различных идеологий. Как известно, Лысенко выдвинул свои революционные планы, призванные кардинально реформировать сельскохозяйственную науку, в период "великого перелома". Эта эпоха оказала, по-видимому, определенное влияние и на его представления о науке. И, по нашему мнению, известный отпечаток леворадикального прошлого чувствуется во всей последующей деятельности Лысенко.

Вместе с тем мичуринское учение обладало рядом черт, соответствовавших тем изменениям, которые произошли в идеологической атмосфере 30-х годов. Так, для Лысенко характерно открытое осуждение "новшеств" и приверженность "практике" примитивного сельского хозяйства. Он утверждает, что сельскохозяйственная наука призвана быть общепонятной, а само ее содержание должно быть максимально близким уже существующему колхозно-совхозному производству.

Показательно в этом смысле выступление Лысенко 15 марта 1938 г. после назначения на должность президента ВАСХНИЛ на собрании академиков ВАСХНИЛ. Лысенко призвал академиков в известном смысле к уходу из лабораторий на колхозные поля. В ходе прений он резко перебивал Вавилова: "...по Вашему получается, что у Академии главное уйти на делянки, в книжки и т.д." По мнению Лысенко, важны не отвлеченные знания и не уточненная экспериментальная методика, а своеобразное интуитивное понимание того, что нужно животному и растению. И тогда, по его словам, "легко можно менять природу организмов путем умелого воспитания, умелого подсовывания организму пищи, когда это нужно"¹¹.

На этом же собрании академиков Лысенко дал понять, что экзотические новшества вроде современного оборудования и многочисленных экспедиций в различные страны мира не нужны. По мнению Лысенко, наука должна быть не только простой и понятной колхозникам-опытникам, но и дешевой. "Средств на науку, — заявил он, — у нас, на мой взгляд, отпускается сегодня больше, чем следует, во всяком случае, больше, чем нам надо".

С усилением консервативных (правых) тенденций в идеологии, искусстве и науке совпала по времени и та решительная поддержка, которую власть оказала лысенковщине. По справедливой оценке Д. Журавского, отношение власти к лысенковщине резко изменилось в середине 30-х годов¹². Если до этого времени государственная поддержка в биологии и сельскохозяйственной науке оказывалась настоящим ученым, то с середины 30-х годов лысенковцам, которые при поддержке высшего руководства страны перешли в наступление, а ученые остались в обороне.

Четвертая сессия ВАСХНИЛ, состоявшаяся в декабре 1936 г., стала первой публичной дискуссией генетиков и их противников, подтвердившей, что симпатии власти находятся на стороне лысенковцев. Одновременно с четвертой сессией ВАСХНИЛ произошло и другое важное событие, которое немало способствовало укреплению лысенковщины и свидетельствовало об изменении идеологической

атмосферы. Мы имеем в виду отмену VII Международного генетического конгресса, который предполагалось провести в Москве 23—30 августа 1937 г.¹³.

Отмена генетического конгресса не только привела к растущей изоляции советской биологии, но и знаменовала появление открыто националистических тенденций в отношении власти к науке. Явным стало противопоставление науки советской и зарубежной. Это противопоставление умело использовалось сторонниками Лысенко. Вскоре суровой критике подвергся "пиетет перед зарубежной наукой", приписываемый Н.И. Вавилову и другим генетикам. Вавилов, действительно, не мог примириться с искусственным разделением мировой науки на советскую и "зарубежную". Так, на собрании академиков ВАСХНИЛ 15 марта 1938 г. он поставил в пример ВАСХНИЛ департамент земледелия США.

Однако вплоть до августовской сессии ВАСХНИЛ в речах лысенковцев постоянно повторялся старый тезис о существовании двух классовых наук. И только после вмешательства Сталина в 1948 г. из мичуринского учения были устранены элементы леворадикальной риторики, столь характерной для рубежа 20—30-х годов. Впрочем, как будет ясно из дальнейшего, даже тогда Лысенко не смог полностью освободиться от некоторых представлений, усвоенных им в эпоху "великого перелома".

Влияние Лысенко, поддержанного высшим руководством страны, стало стремительно расти. После ареста руководства ВАСХНИЛ в 1937 г.¹⁴ Лысенко 23 февраля 1938 г. был назначен президентом академии. Как президент ВАСХНИЛ он присутствовал 8 мая 1938 г. на заседании Совнаркома, на котором рассматривался очередной годовой план Академии наук СССР. Лысенко резко критиковал этот план, в котором, по его мнению, слишком большое внимание уделялось генетике. В результате план был возвращен Академии наук для переработки.

Как нам удалось установить, под воздействием критики на заседании Совнаркома президиум Академии наук принял решение об организации очередной дискуссии по генетике. Дискуссия неоднократно откладывалась, хотя вопрос о ней не раз выносился на обсуждение президиума. В конце концов она состоялась, но ее организацию взяла на себя редколлегия журнала "Под знаменем марксизма". При этом генетике были вновь предъявлены обвинения, согласно которым она оторвана от практики, привержена идеализму и служит буржуазии. Дискуссия вызвала дальнейшее ухудшение положения генетики в СССР. В частности, она привела к тому, что даже в стенах Академии наук генетиков стали принуждать к пересмотру их научных позиций.

Так, перед возглавляемым Вавиловым Институтом генетики была поставлена задача создать коллективный труд "Критический пересмотр основ генетики". Эта работа стала основной плановой темой Института на 1940 г.¹⁵ Необходимость "критического пересмотра основ генетики" явилась мучительным испытанием для Вавилова и возглавляемого им Института. Ибо пересмотру предлагалось подвергнуть практически все теоретические достижения генетики. Чувства Вавилова во время обсуждения материалов "Критического пересмотра" на заседании президиума достаточно точно передают его слова о том, что "нужно просто сжечь всю мировую литературу на большом участке биологии, при этом наиболее связанном с практикой".

Арест Вавилова 6 августа 1940 г. сделал невозможным, да и попросту ненужным для лысенковцев завершение "Критического пересмотра основ генетики". Вскоре после ареста Вавилова Лысенко установил свой контроль над Институтом генетики АН СССР, а 29 декабря 1940 г. стал его директором¹⁶.

Однако все успехи, которых Лысенко еще до войны добился в борьбе со своими научными противниками, все же не привели к разгрому генетики. Вплоть до 1948 г. ЦК ВКП(б) не принимал решений, которые директивно устанавливали бы монополию мичуринской биологии. Официальная партийная линия была двойственной. Известный своей близостью к партийной верхушке философ академик М.Б. Митин наряду с ожесточенной критикой "идеалистических ошибок генетики" призывал к "глубочайшему знанию самого фактического материала науки, критическому овладению старым научным богатством в генетике". А другой партийный философ академик П.Ф. Юдин заявлял, что "есть и в формальной генетике ценное".

Определенный интерес к генетике проявлял отдел науки ЦК ВКП(б). Так, по признанию А.С. Серебровского, сделанному им в дискуссии, организованной редакцией журнала "Под знаменем марксизма", отдел науки ЦК ВКП(б) выделил группу

своих сотрудников для проверки законов Менделя. В результате опыты над дрозофилой "при всем скептицизме этих товарищей к менделизму полностью подтвердили закономерность расщепления признаков в отношении 3:1" .

Путем скрупулезного анализа советской периодики Д. Журавский пришел к выводу о том, что в отношении к Т.Д. Лысенко еще до войны существовало некоторое противоречие между сельскохозяйственным отделом и отделом науки ЦК ВКП(б). Тогда как первый безусловно покровительствовал Лысенко, второй — не лишал поддержки подлинную биологию.

Известно, что курировавший еще до войны отдел науки ЦК А.А. Жданов не был гонителем генетики. Когда в начале 1940 г. в Ленинградском университете готовился разгром генетики, Жданов остановил его. Будучи не только секретарем ЦК, но и секретарем Ленинградской парторганизации, Жданов выступил против рассмотрения вопроса об организации антигенетической кампании на секретариате горкома ВКП(б), заявив, что он "всячески не советует разрешать научные споры административным путем"¹⁸.

В конце 30-х годов некоторые генетики полагали, что Жданов благожелательно относится к генетике. Так, по свидетельству И.А. Рапопорта, Жданов стремился сам ознакомиться с фактическим материалом генетики. С этой целью он несколько раз присылал работавшего тогда в ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова в Институт экспериментальной биологии к Рапопорту, который читал Александрову специальные лекции по генетике. Содержание этих лекций докладывалось Александровым Жданову. По свидетельству А.И. Атабековой, незадолго до своего ареста летом 1940 г. Вавилов неожиданно стал испытывать оптимизм относительно перспектив развития советской биологии и сельскохозяйственной науки. Атабекова предполагает, что оптимизм Вавилова был вызван посещением им Жданова.

При всей значимости этих фактов они важны, скорее, для характеристики позиции отдела науки ЦК ВКП(б) и самого Жданова, чем для заключения о каких-то позитивных сдвигах в отношении власти к генетике. Противники Лысенко получили явную поддержку со стороны ЦК ВКП(б) только после войны. В развернувшейся после войны борьбе сторонников и противников Лысенко важную роль сыграли чисто аппаратные интриги. Однако, возможно, более значимым было то, что судьба лысенковщины оказалась связанной с проходившими в это время идеологическими кампаниями. В ходе этих кампаний завершился пересмотр многих понятий, сложившихся в период "великого перелома". Особое значение имело в частности то, что власть решительно противопоставила "традиции", верность которым предписывалась советской культуре, и "лженоваторство", рассматриваемое как один из основных врагов советского искусства и науки. Вне этого идеологического контекста трудно правильно оценить тот драматический поворот, который совершился в судьбе советской биологии после войны.

История борьбы с лысенковщиной, развернувшейся после войны и продолжавшейся до июля 1948 г., детально освещается в работе В.Д. Есакова. Противоречия между Лысенко и основной частью научного сообщества усилились после того, как в послевоенный период Т.Д. Лысенко выдвинул концепцию, отрицавшую внутривидовую борьбу. В ходе двух конференций, состоявшихся в МГУ в ноябре 1947 г. и в феврале 1948 г., а также заседания Отделения биологических наук (ОБН) АН 11 декабря 1947 г. взгляды Лысенко подверглись сокрушительной критике. Важно, что эти заседания происходили с ведома ЦК ВКП(б).

Критиковавшие Лысенко не могли предвидеть, что его тезис о внутренней связи концепции внутривидовой конкуренции с мальтузианством будет поддержан самим Сталиным.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют заключить, что заседание в ОБН АН СССР было санкционировано ЦК ВКП(б). По указанию ЦК В.Н. Сукачевым было подготовлено краткое изложение заседания. Заседание готовилось и проводилось в глубокой тайне. Как предупредил присутствовавших председатель, академик-секретарь ОБН Л.А. Орбели: "Материал сегодняшнего заседания не может быть вынесен. На этот счет имеется согласованность с руководящими органами". Однако Орбели обещал, что материалы заседания будут опубликованы в самом ближайшем будущем¹⁹.

В ходе заседания Лысенко повторил свои старые доводы, основывавшиеся на том, что Дарвин будто бы применил к органическому миру "реакционную схему Маль-

туса". Несостоятельность учения о внутривидовой борьбе Лысенко обосновывал обращением к сфере социального. По мнению Лысенко, признание внутривидовой конкуренции равнозначно принятию мальтузианства. Мальтузианство же, как утверждал Лысенко, затушевывает характерный для капитализма классовый гнет.

Если бы материалы заседания в ОБН были опубликованы, то они нанесли бы сокрушительный удар по положению Лысенко. Действительно, тексты докладов были подписаны в печать и переданы в Редакционно-издательский Совет академии для публикации 10 апреля 1948 г. Однако в этот же день (10 апреля 1948 г.) заведующий отделом науки управления пропаганды ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов спутал все карты, выступив на семинаре лекторов обкомов партии с лекцией "Спорные вопросы современного дарвинизма". Как известно, именно этот шаг Ю.А. Жданова привел в конечном счете к организации августовской сессии ВАСХНИЛ.

Мы располагаем лишь выдержками из доклада Ю.А. Жданова, позволяющими, однако, сделать вывод об общем содержании его доклада²⁰. Доклад был направлен против монополизма в биологии и разделения ее на буржуазную и советскую. "Неверно, — говорил Жданов, — будто у нас идет борьба между двумя биологическими школами, из которых одна представляет точку зрения советского, а другая — буржуазного дарвинизма. Я думаю, следует отвергнуть такое противопоставление, так как спор идет между научными школами внутри советской биологической науки, и ни одну из спорящих школ нельзя назвать буржуазной"²¹. Несмотря на как будто примирительный тон, Ю.А. Жданов адресовал Лысенко, по сути, политическое обвинение: "...То, что например, говорил товарищ Жданов Андрей Александрович в своем выступлении по музыке о лженоваторах (зачитал цитату), я от себя говорю, что это к Вам относится, Трофим Денисович Лысенко"²². Попытка Ю.А. Жданова использовать идеологические аргументы, содержащиеся в данном чрезвычайно характерном выступлении его отца, заставляет рассмотреть его подробнее. На этом совещании А.А. Жданов обрушился на тех, кто призывал отказаться от "традиционализма". По сути, Жданов клеймил "леворадикальное прошлое" советской культуры.

По мнению Жданова, "буржуазным" является именно "новаторство", представляющее серьезную опасность. Связав лженоваторство с буржуазным влиянием и одновременно с левым уклоном, Жданов процитировал статью "Сумбур вместо музыки": "Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Мелкобуржуазное "новаторство" ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы".

Согласно Жданову, буржуазное влияние — источник лженоваторства, в то время как истинно советская культура привержена традициям и классическому наследию. Термины "буржуазное искусство", "буржуазная культура", "буржуазная наука" приобрели значение, противоположное тому, которое вкладывалось в них в эпоху "великого перелома". Так, "буржуазная наука" понималась тогда как "старая наука", унаследованная от капиталистического прошлого. Теперь, напротив, "буржуазность" означала отклонение от традиций. На совещании деятелей советской музыки Жданов заявил: "...СССР является сейчас подлинным хранителем общечеловеческой музыкальной культуры, так же, как он во всех других отношениях является оплотом человеческой цивилизации и культуры против буржуазного распада и разложения культуры".

Рассуждения Жданова, во многом пересматривавшие прежние большевистские представления, безусловно, относились не только к искусству, но и к науке. Однако не вполне понятно, что конкретно имел в виду Жданов, когда говорил о "левацком уродстве" и о мелкобуржуазном "новаторстве" в науке. Мы располагаем весьма ограниченными данными, характеризующими отношение Жданова к науке. Известно, что в 1936 г. Жданов сыграл важную роль в разгроме педологии. В 1947 г. он обрушился на идеалистические спекуляции "буржуазных физиков", имея в виду некоторые теоретические построения, связанные с появившимися в XX в. теорией относительности и квантовой механикой.

Возможно, как и в искусстве, А.А. Жданов был привержен к образу некоей классической, традиционной науки, чуждой спекулятивным новшествам. Маловероятно, что отношение Жданова к проблеме традиций и новаторства в искусстве и в науке могло в этот период существенно отличаться от отношения Сталина, ведь

именно им задавалось основное направление послевоенных идеологических кампаний. Однако позиция Сталина была еще последовательней. Как свидетельствуют его поправки в докладе Лысенко, Сталин не только отвергал бытовавший в начале 30-х годов тезис о двух классовых науках, но отрицал законность самого термина "буржуазная наука".

Хотя взгляды Сталина и Жданова на проблему традиций и новаторства были, очевидно, близки, оставалась и более частная проблема. Она заключалась в том, что лысенковщину можно было либо отнести к "традиционной науке", нуждающейся в защите, либо причислить к "левацким извращениям", тем самым обрекая ее на уничтожение. И здесь мнения Сталина и Жданова, вероятно, кардинально разошлись²³.

Очевидно, А.А. Жданов разделял в это время взгляды, высказанные его сыном, в противном случае, не чувствуя поддержки отца, Ю.А. Жданов не смог бы выступить со своим докладом на семинаре лекторов обкомов партии. Сталин же безоговорочно встал на сторону Лысенко. При этом его доверие к Лысенко не поколебало даже то, что в первоначальном варианте доклада Лысенко содержалось положение о существовании двух классовых наук. Сталин предпочел вычеркнуть эти, ошибочные, по его мнению, рассуждения, но поддержать основную часть доклада. Возможно, он полагал, что "левая" фразеология случайна для Лысенко и органически связана с содержанием его учения.

Не вполне ясно, что именно определило в глазах Сталина репутацию Лысенко. Возможно, решающим оказалось то, что Сталин видел в Лысенко серьезного учено-практика, а не кабинетного утописта. Известна также слабость Сталина к различным изобретениям, сулящим немедленную практическую отдачу²⁴. Как показал В.Н. Соيفер, в послевоенные годы Сталин был убежден в том, что Лысенко сможет создать новый сорт ветвистой пшеницы.

Как нам удалось установить, 31 декабря 1946 г. Сталин передал Лысенко (возможно, при личной встрече) два центнера семян ветвистой пшеницы, которая будто бы обладала уникальными свойствами. В 1947 г. Лысенко не раз сообщал о своей работе с ветвистой пшеницей А.И. Поскребышеву и самому Сталину.

Вспоминая об аудиенции у Сталина в конце 1946 г., Лысенко писал Сталину: "Дорогой Иосиф Виссарионович! Спасибо Вам за науку и заботу, преподанную мне во время Вашего разговора со мной в конце прошлого года по ветвистой пшенице. Этот разговор я все больше и больше осознаю. Вы мне, буквально, открыли глаза на многие явления в селекционно-семеноводческой работе с зерновыми хлебами..."²⁵. Лысенко обрисовал грандиозные перспективы будущего сельского хозяйства, когда один район Московской области сможет, выращивая ветвистую пшеницу, накормить хлебом всю Москву. По мнению В.Н. Соифера, Лысенко будто бы скрыл от Сталина неудачи селекционеров, занимавшихся ветвистой пшеницей в прошлом. Однако в своих письмах Сталину он не утаил, что все опыты с ветвистой пшеницей, проводившиеся ранее, оканчивались провалом. Но происходило это лишь потому, что для воспитания растений не использовалось влияние внешней среды (в частности, правила агротехники). "Я убежден, — писал он, — что, несмотря на все неудачные опыты в прежнее время, теперешние опыты с ветвистой пшеницей в Советском Союзе будут удачными"²⁶.

Вскоре после лекции Ю.А. Жданова (17 апреля 1948 г.) Лысенко написал письмо Сталину с просьбой об отставке с поста президента ВАСХНИЛ. 11 мая он повторил эту же просьбу в письме министру сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктову. Лысенко и до этого в своих обращениях в правительство и ЦК ВКП(б) не раз угрожал отставкой, пытаясь заставить власть предпринять нужные ему действия. Так, 11 декабря 1944 г. Лысенко писал занимавшему тогда пост заместителя председателя Совнаркома В.М. Молотову: "Прошу освободить меня от должности Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина... Будучи Президентом, я почти не имею возможности ни оказывать содействие правильному развитию теорий сельскохозяйственной науки и направлять их на максимальную помощь практике, ни предупреждать ложно научные тенденции и рост различных "школ". А 3 декабря 1946 г. в письме А.А. Жданову Лысенко угрожал выйти из состава Академии наук СССР в знак протеста против избрания членом-корреспондентом генетика Н.П. Дубинина²⁷.

Доступные нам архивные материалы почти не позволяют судить о том, какой была

непосредственная реакция Сталина на письмо Лысенко, содержащее просьбу об отставке. Однако вскоре стало ясно, что Сталин поддерживает Лысенко. Уже в конце мая Г.М. Маленков неожиданно потребовал от Лысенко детальных комментариев к стенограмме выступления Ю.А. Жданова. Нам неизвестно, что происходило в партийном руководстве, после того как 31 мая Лысенко был написан подробный ответ на основные положения лекции Ю.А. Жданова²⁸.

По-видимому, А.А. Жданов, подвергшийся резкой критике, был вынужден безоговорочно поддержать Лысенко.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют заключить, что, по крайней мере, к 7 июля 1948 г. ЦК ВКП(б) решил однозначно поддержать Лысенко. 7 июля Д.Т. Шепилов и М.Б. Митин составили проект сообщения ЦК ВКП(б) "О мичуринском направлении в биологии", в котором осуждалась генетика и превозносилась мичуринская биология. Проект сообщения был направлен А.А. Жданову и 10 июля после существенной правки под новым заголовком "О положении в советской биологической науке" за подписями А.А. Жданова и Г.М. Маленкова был послан Сталину²⁹.

В проекте сообщения ЦК ВКП(б) утверждалось: "В науке как и в политике противоречия разрешаются не путем примирения, а путем открытой борьбы". При этом генетика объявлялась "буржуазным течением в биологической науке". В то же время "буржуазное" понималось как несветское, зарубежное. "Борьба мичуринского направления против менделеевско-морганического направления в биологии... есть одна из форм выражения классовой борьбы советских ученых и прогрессивных демократически настроенных ученых зарубежных стран против буржуазных биологов, проповедующих в угоду империалистической буржуазии реакционные идеи неизменности мира".

Дальнейшая судьба проекта сообщения ЦК ВКП(б) неизвестна, во всяком случае оно никогда не публиковалось. Возможно, было принято решение вместо директивного осуждения генетики ЦК ВКП(б) организовать "дискуссию", на которой Лысенко мог бы выступить с основным докладом. После этого началась спешная подготовка августовской сессии ВАСХНИЛ.

12 июля Лысенко «оставил список новых членов ВАСХНИЛ, который почти без изменений и в обход каких бы то ни было выборов был утвержден 15 июля Советом Министров СССР. В это же время шла работа над докладом, которая была завершена 23 июля. В этот же день Лысенко направил первый и второй экземпляры доклада Сталину и Маленкову.

В архиве ВАСХНИЛ имеется третий экземпляр доклада, подписанный Лысенко и датированный 23 июля, а также письма Сталину и Маленкову. Третий экземпляр подвергся после 23 июля серьезной правке. Правленный текст доклада идентичен выступлению Лысенко 31 июля на августовской сессии ВАСХНИЛ. Времени окончания правки, очевидно, соответствует вторая дата, проставленная в конце третьего экземпляра 28 июля 1948 г. Этот экземпляр, по-видимому, использовался в качестве своего рода "рабочего" экземпляра, в который была внесена вся правка, либо произведенная самим Сталиным, либо предпринятая по его настоянию.

30 июля Лысенко послал Маленкову уже переработанный текст доклада «Лично товарищу Сталину, — писал он, — я считаю неудобным вновь посылать вариант текста... если Вы найдете возможным и необходимым передать товарищу Сталину доклад, то для этой цели я посылаю Вам и второй экземпляр». Доклад претерпел после этого единственное изменение: из первоначального заголовка "О положении в советской биологической науке" было удалено слово "советской".

Возможно, Лысенко было запрещено упоминать о личном участии Сталина в подготовке его доклада на августовской сессии ВАСХНИЛ. В то же время Сталин заботился о том, чтобы дать понять участникам сессии, кого из "дискутирующих" он поддерживает.

В день закрытия сессии (7 августа 1948 г.) в "Правде" было опубликовано написанное еще 10 июля письмо Ю.А. Жданова Сталину, в котором он, как известно, признал ошибочность своего прежнего отношения к Лысенко. В этот же день, в соответствии с предварительно заготовленным сценарием, Лысенко заявил, что его доклад одобрен ЦК ВКП(б). При этом он сослался на загадочную записку, якобы посланную ему из зала заседаний сессии: "Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел

мой доклад и одобрил его". В действительности, текст мифической записки и ответ на нее были написаны Лысенко и отредактированы Сталиным³⁰.

После смерти Сталина Лысенко впервые нарушил молчание, которое он хранил об обстоятельствах подготовки своего доклада на августовской сессии. По его признанию, Сталин "непосредственно редактировал проект доклада "О положении в биологической науке", подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада".

В 1954 г. Лысенко пришлось сдать хранившийся у него первый экземпляр доклада Сталина с Оригинальными исправлениями и пометами Сталина в Центральный партийный архив. Судя по акту передачи документа, первый экземпляр содержал то же число страниц, что и имеющийся в архиве ВАСХНИЛ третий экземпляр (49 с.). Кроме того, совпадают номера страниц, на которых в третьем экземпляре сделаны исправления красным карандашом, и тех страниц, на которых имеются пометы Сталина. Дополнения и вставки, включенные в доклад по настоянию Сталина, находятся в конце архивного дела. На обороте последней страницы есть карандашная помета: "Добавления, сделанные к третьему экз[емпляру] первого варианта доклада, после возвращения от товарища Сталина экземпляра доклада 23/VI 1948 года".

Во время работы в Центральном партийном архиве нам удалось обнаружить и первый экземпляр доклада Лысенко с собственноручными замечаниями и исправлениями Сталина³¹. Исправления и пометы в первом экземпляре и третьем, хранящемся в архиве ВАСХНИЛ, оказались идентичными.

В результате редактирования Сталиным доклад Лысенко претерпел ряд изменений. Отношение Сталина к отдельным положениям доклада было различным. Он прямо одобрил лысенковский ламаркизм и критику им мальтузианства, якобы присущего теории Дарвина. В то же время он отказался поддерживать лысенковский тезис о существовании двух классовых наук, а также попытки Лысенко атаковать дарвинизм за его "нереволюционность".

В результате правки Сталиным доклада Лысенко из него были устранены все упоминания "буржуазной биологии". Сталин не только вычеркнул из доклада раздел "Основы буржуазной биологии ложны", но и оставил на полях язвительные пометы. Так, против фразы Лысенко "Любая наука — классовая" он приписал на полях "Ха-ха-ха!!! А математика? А дарвинизм?" В этой связи уместно вспомнить, что в 1931 г. математика была провозглашена одним из руководителей Комакадемии самой партийной и самой классовой из всех наук³².

По желанию Сталина доклад был дополнен рядом вставок: о Вейсмане и вейсманизме, о применении на практике мичуринского учения. В ответ на сделанную Сталиным помету: "А недостатки дарвиновской теории?" Лысенко включил в доклад критику "реакционных мальтузовских идей", присутщих, по его словам, теории Дарвина. "Совершенно недопустимо, — писал Лысенко в окончательном тексте доклада, — принимать ошибочные стороны дарвиновской теории, основанной на мальтузианской схеме перенаселения с якобы вытекающей отсюда внутривидовой борьбой"³³.

Особо следует остановиться на попытках Лысенко обосновать свои позиции в первоначальном тексте доклада ссылками на работу Сталина "Анархизм или социализм?", которая была впервые опубликована в 1906 г., но стала широко известной лишь после переиздания в 1946 г.

Важными для происходившей дискуссии могли стать два тезиса, выдвинутые в работе Сталина. Во-первых, положение о том, что неоламаркизм приходит на смену неodarвинизму, во-вторых, высказывание Сталина о том, что "дарвинизм отвергает... диалектически понятое развитие, включающее революцию..." За это последнее положение Сталина и ухватился Лысенко. "Биологи Советского Союза, — писал он, — имеют все основания и обязаны, во всей глубине понимая указание товарища Сталина, по-новому ставить и по-новому решать такие кардинальные вопросы, как вопрос видообразования".

Однако если Сталин всецело одобрил лысенковскую критику мальтузианства Дарвина, а значит, и признал по существу правильным мнение об отсутствии внутривидовой конкуренции, то его отношение к нападкам на "плоский эволюционизм" дарвиновской теории было существенно иным. Он отказался поддержать тезис о несовместимости дарвинизма с идеей революции, высказанной им самим в

1906 г. Сталин удалил из доклада все ссылки на его раннюю работу, тем самым из текста исчезла и критика дарвиновских представлений о видообразовании.

Примечательно, что первоначально Лысенко определил образование нового вида как "скачок в историческом процессе". Сталин заменил термин "скачок" обозначением "переход от количественных изменений к качественным". Та глубокая неприязнь, которую в этот период жизни Сталин испытывал к "революционным скачкам", "революционным взрывам" и всем сходным обозначениям из леворадикального лексикона, стала еще более явной через два года. В появившихся в 1950 г. статьях о языкознании Сталин обрушился на "теорию взрывов" в развитии языка и подчеркнул, что основная роль в развитии принадлежит постепенному накоплению мелких изменений.

Хотя Сталин не разрешил Лысенко цитировать его юношескую работу, он считал необходимым вернуться к содержащимся в ней рассуждениям о неолamarкизме. В этой статье упоминалась "теория неолamarкизма, которой уступает место неоларвинизм". При этом неолamarкизм понимался прежде всего как учение о наследовании приобретенных признаков. По-видимому, симпатии Сталина к лamarкизму не были случайными. Очевидно, до 1948 г. об этих симпатиях никому не было известно. Однако, как нам удалось установить, при редактировании доклада Лысенко Сталин в явной форме высказал свое отношение к идее наследования приобретенных признаков. В первоначальный текст доклада Сталин вписал фразу, свидетельствующую о его солидарности с лamarкизмом: "Нельзя отрицать того, что в споре, разгоревшемся в начале XX в. между вейсманистами и лamarкистами, последние были ближе к истине, ибо они отстаивали интересы науки, тогда как вейсманисты ударялись в мистику и порывали с наукой".

При этом, по мысли Сталина, в лamarкизме верно прежде всего положение о наследовании приобретенных признаков, что не означает правильности лamarкизма как целостной эволюционной теории. "...Мичуринское направление, — говорилось в окончательном тексте доклада Лысенко, — отнюдь нельзя назвать ни неолamarкистским, ни неоларвинистским. Оно является творческим советским дарвинизмом, отвергающим ошибки того и другого и свободным от ошибок теории Дарвина в части, касающейся принятой Дарвином ошибочной схемы Мальтуса".

Таким образом, отныне Лысенко мог безбоязненно выражать симпатии к лamarкизму, ибо они были поддержаны самим Сталиным. По-видимому, Лысенко всегда верил в возможность наследования приобретенных признаков. Однако в 30-е годы он всячески отрицал то, что его взгляды близки к лamarкизму. Это объясняется тем, что с начала 30-х годов лamarкизм не раз объявлялся идеологически порочной доктриной. Например, в 1931 г. Коммунистическая академия расценивала лamarкистские воззрения как проявление механического материализма. Декларировать свои симпатии к лamarкизму означало теперь признаваться в одном из опасных идеологических уклонов. Более того, как утверждалось в сборнике, выпущенном в свет Коммунистической академией, лamarкизм враждебен социализму, ибо он "теоретически оправдывает реакционные взгляды значительного слоя специалистов — врачей, животноводов, полеводов; это наносит прямой ущерб социалистическому строительству". Возможно, этим объясняется та энергия, с которой Т.Д. Лысенко до конца 30-х годов открепивался от любых обвинений в лamarкизме.

И лишь на рубеже 30—40-х годов по не вполне понятным причинам он изменил свою позицию. На заседании президиума Академии наук 15 июня 1940 г. Лысенко, говоря о своей вере в наследование приобретенных признаков, заявил: "По-вашему, это лamarкизм? Пожалуйста, я не боюсь этого". А в 1947 г. в письме А.А. Жданову он пошел еще дальше: "...Лamarкизм, как учение в биологии, изучающее ведущую роль условий внешней среды в формировании живых тел, в противоположность метафизике неоларвинизма, вейсманизма не плохое, а хорошее учение".

Правка Сталиным доклада Лысенко устранила даже намек на то, что наука может быть классовой. О характере правки было известно лишь узкой группе сторонников Лысенко³⁴. Только через два года — летом 1950 — Сталин в своих статьях о языкознании обнаружил (хотя и в неявной форме) свое отношение к тезису о классовой природе науки. Формально из сферы надстройки исключался язык, но ряд признаков позволял предположить, что замечания Сталина относились и к науке³⁵. В частности, подчеркивалось, что в любом обществе, даже расколотом классовыми противоречиями, существуют структуры, общие для всех классов.

Статьи Сталина возможно оказали влияние на последующую судьбу Лысенко. И не только потому, что в них содержались призывы к развитию критики в науке. Наиболее важную роль, на наш взгляд, сыграло осуждение Сталиным теории "взрывов" в развитии языка. Сталин придал универсальное значение высказанному им положению о том, что переход от старого качества к новому происходит не путем взрывов, а посредством постепенного накопления мелких количественных изменений. Этот тезис пришел в явное противоречие со взглядами, высказанными Лысенко на рубеже 40—50-х годов.

Лысенко не был удовлетворен триумфальным успехом августовской сессии. На беду Лысенко, продолжалось развитие его собственных биологических воззрений, что еще более обнаружило его духовное родство эпохе "великого перелома" и несоответствие периоду позднего сталинизма. Лысенко, видимо, не извлек никаких уроков из правки Сталиным его доклада и, в частности, из того, что Сталин устранил из первоначального текста критику "плоского эволюционизма" дарвинистов.

Вслед за первыми работами В.К. Карапетяна Лысенко разработал теорию видообразования³⁶, согласно которой одни виды могли скачкообразно возникать из других (рожь — из пшеницы, овсюг — из овса и т.п.). Лысенко атаковал дарвинизм как "теорию сплошной постепенности, не признающую в развитии прерывистости, перехода одного качества в другое..."³⁷.

Лысенко утверждал, что духу марксизма может соответствовать только такая теория видообразования, которая предполагает наряду с эволюцией скачки революций. "Теория" Лысенко возможно соответствовала распространенным в начале 30-х годов стремлениям революционизировать общество, науку, природу. Однако она явно не вписывалась в идеологический контекст более позднего времени.

В конце 1952 г. "Ботанический журнал" опубликовал статьи Н.В. Турбина и Н.Д. Иванова, направленные против новой теории видообразования. Турбин и Иванов защищали атакованную Лысенко идею постепенного, не революционного развития. В обоснование своих доводов они приводили цитаты из статей Сталина о языкознании, согласно которым переход от старого качества к новому происходит не путем скачка, а благодаря постепенному накоплению мелких изменений. Дарвин становился при этом своеобразным предтечей Сталина. "Согласно теории естественного отбора, — утверждал Турбин, — крупные качественные изменения, ведущие к возникновению нового вида в недрах старого, возникают не сразу, а постепенно, мелкими изменениями, накапливаясь из поколения в поколение... Переход от одного видового качества к другому качеству в этом случае происходит не путем разового уничтожения старого, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового видового качества в недрах старого вида. Известно, что такой путь перехода от старого качества к новому на примере русского языка с предельной ясностью раскрыт в гениальном труде товарища И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания".

Статьи Турбина и Иванова были направлены против лысенковской теории видообразования, а критике других его построений отводилось явно подчиненное положение. Турбин отмечал, что Лысенко "сделал многое для устранения недостатков в теории Дарвина", разрабатывая "такие важнейшие вопросы, как закономерности направленной изменчивости, биологической сущности оплодотворения, роли внутривидовой конкуренции..."

В своем выступлении на заседании редколлегии "Ботанического журнала" 30 октября 1952 г. Турбин подчеркивал, что его возражения адресованы новой теории видообразования и практически не затрагивают остальных концепций Лысенко. Любые попытки подвергнуть критике другие стороны лысенковского учения незамедлительно пресекались партийными инстанциями. Так, стоило Иванову поместить в "Бюллетене Московского общества испытателей природы" статью, критикующую лысенковские нападки на "мальтузианство Дарвина", как редколлегия "Бюллетеня" "получила сигнал из контрольных органов о наличии в нем идеологических ошибок"³⁸.

Существуют многочисленные данные о том, что критика Лысенко в последний период жизни Сталина была инспирирована свыше. Так, по признанию Н.В. Турбина, публикация статей в "Ботаническом журнале" была санкционирована Ленинградским обкомом КПСС, выполнявшим распоряжение Сталина и Маленкова³⁹. Это свидетельство Турбина тем более убедительно, что в результате своего признания он сам

предстает в крайне невыгодном свете. Сохранилось и письмо Лысенко секретарю Ленинградского обкома КПСС В.М. Андрианову (9 января 1953 г.). Причину своего обращения в Ленинградский обком Лысенко объяснил следующей путаной фразой: "Данным письмом занимаю Ваше время только потому, что до меня дошли слухи (хотя я им и не верю), что обе статьи до их опубликования якобы просматривались в Ленинградском обкоме КПСС"⁴⁰. То, что критика Лысенко была санкционирована высшим партийным руководством, подтверждают и свидетельства Ю.А. Жданова и Н.В. Турбина, приведенные в книге В.Н. Сойфера. В свете сказанного весьма вероятным кажется предположение о том, что только смерть Сталина и приход к власти Н.С. Хрущева предотвратили падение Лысенко.

В настоящей работе мы не стремились к всестороннему анализу причин, обусловивших разгром генетики и победу лысенковщины. Нам хотелось лишь показать, что эти причины нельзя понять, игнорируя способность тоталитарной системы к своеобразному видению науки. Судьба лысенковщины в решающей степени зависела от создававшихся властью образов науки. В свою очередь, смена этих образов определялась общей эволюцией советской системы, в ходе которой причудливо взаимодействовали противоречивые, подчас полярно противоположные тенденции: от леворадикального мессианизма — до государственничества и национализма.

Примечания

¹ Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), ф. 8390, оп. 1, д. 2285, л. 8—56. См. также: *Есаков В., Иванова С., Левина Е.* Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4, 6, 7.

² Примечательно, что о "буржуазной науке" нет ни слова не только в окончательном варианте доклада Лысенко и в постановлении сессии ВАСХНИЛ, но и в статьях, написанных основными соратниками Лысенко (В.Н. Столетовым, А.И. Опариным) для сборника "Против реакционного менделизма-морганизма" (1950).

³ Это период в истории советской науки резко отличается от всех последующих и уже поэтому обладает определенной целостностью. В то же время следует отметить (хотя это и не может быть обосновано в рамках данной статьи), что развитие советской науки во время "культурной революции" подчинялось разнородным, а зачастую и прямо противоположным тенденциям.

⁴ Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М., 1931.

⁵ Отношение Горького к природе как к воплощению стихийности и потому — как к врагу человека — напоминает шаржированное и искаженное воспроизведение взглядов Н.Ф. Федорова. Менее известно, что один из корреспондентов Горького в СССР призывал его к возвращению на родину, мотивируя это тем, что Советский Союз — единственное государство, непосредственной задачей которого является борьба с природой (См. *Сухих С.И.* М. Горький и Н.Ф. Федоров // Русская лит. 1980. № 1. С. 160—168).

⁶ Вавилов был искренним в своих надеждах. Однако голоса энтузиастов социалистического преобразования сельского хозяйства стали слышны во многом потому, что замолчали те, кто подобно А.В. Чайанову считал, что "задачей русского возрождения является передача крестьянству современного научного мирозерцания без ломки его векового эпоса".

⁷ Почти сразу же А.С. Серебровский был подвергнут за свое предложение сокрушительной критике: он слишком близко подошел к опасному рубежу, разделившему уже тогда "биологическое" и "социальное". Вскоре признавшего свои евгенические ошибки А.С. Серебровского неоднократно за них прорабатывали и в конце концов исключили из кандидатов в члены ВКП(б).

⁸ См.: *Давиденков С.Н.* Наши евгенические перспективы // Архив Академии наук СССР (ААН), ф. 450, оп. 5, д. 29.

⁹ См.: *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921—1934. Cambridge, 1979. P. 212.

¹⁰ *Кожневников А.Б.* Этапы научной политики в СССР // Тезисы Второй конференции по социальной истории советской науки 21—24 мая 1990 г. М., 1990. С. 26—27.

¹¹ Стенограмма совещания академиков ВАСХНИЛ от 15 марта 1938 г. об организации работы ВАСХНИЛ на 1938 год // ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 1133.

¹² *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Chicago, London, 1970.

¹³ Решение о проведении в Москве Международного генетического конгресса было принято Совнаркомом 16 февраля 1936 г. Однако уже 9 декабря 1936 г. Вавилов писал председателю Международного комитета по проведению конгресса О. Мору: "... Решением Правительства было найдено, что в будущем году, а весьма вероятно и в 1938 г. конгресс невозможно будет

- созвать в СССР. Я не знаю точных причин этого решения, но среди них некоторое влияние оказало включение вопроса о расовых проблемах... Советское правительство нашло нецелесообразным иметь по этому поводу дискуссию в нашей стране, где вопроса этого вовсе не существует..." (см. ААН, ф. 201, оп. 5, д. 1, л. 44. Казалось, что конгресс можно будет отложить на 1938 г., но Международный комитет по проведению конгресса не согласился с отсрочкой и созвал конгресс в 1939 г. в Эдинбурге.
- ¹⁴ А.И. Муралов, сменивший в 1935 г. Н.И. Вавилова на посту президента ВАСХНИЛ, был арестован не ранее 10 июня и не позднее начала июля 1937 г. Вице-президент Г.К. Мейстер руководил работой ВАСХНИЛ до 11 августа 1937 г, т.е. до дня своего ареста. До назначения Лысенко президентом ВАСХНИЛ и некоторое время после него (до конца марта 1938 г.) работой Президиума ВАСХНИЛ вновь руководил Н.И. Вавилов.
- ¹⁵ План коллективного труда обсуждался на заседаниях Президиума АН 22 марта и 15 июня 1940 г. См.: ААН, ф. 2, оп. 4, д. 43, л. 47.
- ¹⁶ Отметим, что еще раньше, в начале 1939 г., Лысенко сумел добиться отставки Н.К. Кольцова с поста директора Института экспериментальной биологии АН. Это также значительно ослабило сопротивление Лысенко в Академии наук.
- ¹⁷ См.: Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 96.
- ¹⁸ ЦПА, ф. 77, оп. 1, д. 758, л. 1—1 об.
- ¹⁹ ААН, ф. 534, Оп. 1/47, д. 80, л. 82.
- ²⁰ ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 2284, л. 22—72.
- ²¹ Этот абзац в лекции Ю.А. Жданова вызвал следующее замечание Т.Д. Лысенко в докладе, составленном им 31 мая 1948 г. для Г.М. Маленкова: "Исходные теоретические установки, подходы к изучению закономерностей живой природы этих двух направлений — противоположны; их идеологическая сущность антагонистична и непримирима..."
- ²² В статье и в книге В.Н. Сойфера (*Сойфер В.Н.* Горький плод: Из истории современности // Огонек. 1988. № 1—2; *Он же.* Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. Нью-Йорк, 1989.). Записи Лысенко цитируются неполно, неясно, о каком выступлении А.А. Жданова идет речь.
- ²³ В книге Л. Грэма (*Graham L.R. Science and Philosophy in the Soviet Union.* N.Y., 1972) был впервые детально рассмотрен вопрос о возможных противоречиях между Сталиным и А.А. Ждановым при подготовке августовской сессии ВАСХНИЛ.
- ²⁴ Как известно, Сталин решительно поддерживал такого прожектера, как Н. Цицин, а также Н. Клюеву, Г. Роскина.
- ²⁵ ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 2127.
- ²⁶ ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 2283, л. 84.
- ²⁷ В 1964 г. Лысенко заявил о намерении выйти из состава Академии наук после неизбрания академиком его ставленника Н.И. Нуждина.
- ²⁸ Существует почти не обоснованная фактами версия, что противоречия между Т.Д. Лысенко и Ю.А. Ждановым были использованы Л.П. Берией и Г.М. Маленковым в их борьбе против А.А. Жданова, скоропостижно скончавшегося в августе 1948 г.
- ²⁹ ЦПА, ф. 77, оп. 1, д. 991, 126 л.
- ³⁰ ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 5285, л. 50.
- ³¹ ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 5285.
- ³² *Кольман Э.* Политика, экономика и... математика // На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М—Л., 1931.
- ³³ О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 31 июля — 7 августа 1948 г. М.; 1948. С. 9.
- ³⁴ Поэтому неудивительно, что термин "буржуазная наука" встречается в докладе О.Б. Лепешинской на Совещании по проблеме живого вещества в мае 1950 г. и в докладе К.М. Быкова на "Павловской сессии" в июне—июле 1950 г.
- ³⁵ По мнению Д. Журавского, статьи Сталина, в частности, означали, что вопрос об исключении науки из сферы надстройки отныне может подвергаться обсуждению.
- ³⁶ *Лысенко Т.Д.* Вид // БСЭ. 2-е изд. М., 1952. Т. 8; *Он же.* Новое в науке о биологическом виде. М., 1952.
- ³⁷ См.: Письмо Лысенко секретарю Ленинградского обкома КПСС В.М. Андрианову // ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 3186, л. 128—131.
- ³⁸ ААН, ф. 1557, оп. 1, д. 235, л. 22.
- ³⁹ Сообщение Н.В. Турбина на заседании Комиссии по анализу истории развития генетики в СССР (октябрь 1988 г.).
- ⁴⁰ См.: Письмо Лысенко секретарю Ленинградского обкома КПСС В.М. Андрианову // ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 3186, л. 128—131.